

Сергей Ананченко

Хроники Пустоши

Ключ
от
Реальности

Книга первая

Сергей Ананченко

**Хроники Пустоши. Книга
1. Ключ от реальности**

«Автор»

2026

Ананченко С.

Хроники Пустоши. Книга 1. Ключ от реальности /
С. Ананченко — «Автор», 2026

В мире «Хроники Пустоши» радость — это налог. А несогласных называют «шламом» и сбрасывают в цифровую свалку, где реальность распадается на пиксели. Главный герой — бывший аналитик Системы. Он слишком глубоко копнул и за это был стёрт из реестров, лишён интерфейса и отправлен в Пустошь на верную смерть. Но он не умер. Он упал в мир, где единственный способ выжить — стать ошибкой, которую Система не сможет игнорировать. Вместе с другими изгоями он проходит через искорёженную реальность Пустоши, сталкивается с порождениями сломанного кода и узнаёт правду, за которую Система убивает. Это история о выборе между безопасной клеткой и свободой, которая разрывает тебя изнутри. О том, как люди становятся людьми, когда теряют всё, кроме друг друга. И о цене, которую платишь за правду, — когда платить приходится не только собой.

© Ананченко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крушение	5
Глава 2. Пустошь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Ананченко

Хроники Пустоши. Книга

1. Ключ от реальности

Глава 1. Крушение

Мир подгружался рывками. Не плавно, как в Столице, где каждый кадр сглаживался до идеального, а с задержкой, с пропуском целых секунд, когда реальность не успевает отрисоваться. Сначала послышался звук, похожий на сухой, аритмичный треск статического электричества. Потом — гул низкочастотной вибрации разгерметизации, которая, казалось, шла не извне, а изнутри.

Макс почувствовал, как его тело обретает вес. Тяжесть была настоящей, а не регулируемой в меню «Комфорт», как привыкли в Столице. Системный журнал, ещё теплившийся в осколке левого окуляра, выдал отчёт:

ГРАВИТАЦИОННАЯ НАГРУЗКА: 1.2g. ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ПРОТОКОЛА БЕЗОПАСНОСТЬ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ ОБОЛОЧКИ

Но рекомендация была насмешкой. Регенерация отключена. Он больше не аристократ, он — материя.

Макс открыл глаза. Левый окуляр нейроинтерфейса разбит. Трещина в линзе дробила мир на острые, не сходящиеся сегменты. Правый заливал сетчатку агрессивным пурпуром. Каждое аварийное сообщение отдавалось в виске тупой, пульсирующей болью, словно кто-то забивал гвоздь прямо в череп.

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА: СИНХРОНИЗАЦИЯ ПОТЕРЯНА. СТАТУС ОБЪЕКТА: НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН В РЕЕСТРЕ ЖИВЫХ. ЛОКАЦИЯ: СЕКТОР NULL / ТЕХНИЧЕСКИЙ ШЛАМ

Система зафиксировала его отсутствие в реестре, но даже не подумала замолчать. Её протоколы не предусматривали команды «прекратить отправку» для того, кого уже нет.

Он попытался вдохнуть. Лёгкие обожгло. Воздух пах жжёным пластиком и старой копотью. К этому примешивался запах ржавчины, и тянуло откуда-то холодом.

«Я — не шлам», — подумал Макс, но мысль была вялой, лишённой привычной протокольной чёткости. Интерфейс не подтвердил её и не опроверг, просто проигнорировал. Впервые в жизни его самоидентификация не имела системного отклика, он был предоставлен сам себе.

Макс перевернулся на бок. Мир поплыл, распадаясь на отдельные пиксели. Он смотрел сквозь треснувшую линзу, и его собственное зрение дробило реальность на острые, несовместимые грани.

Макс лежал в эпицентре катастрофы. Вокруг догорали останки «Аристократа» — флагманского глайдера, чьи изящные обводы теперь напоминали вскрытую грудную клетку гигантского доисторического насекомого. Белоснежная обшивка плавилась, обнажая ржавые, грубо сработанные каркасы. В Столице все верили, что вещи состоят из света и воли Создателей. Здесь, в момент распада, Макс видел правду: под тонким слоем эстетики был дешёвый композит и бесконечные пучки кабелей, уходящие в никуда. Каждая деталь была не живой, а застывшей.

Из разорванного багажного отсека вывалились артефакты. Золотая статуэтка герцога Олди, символ тщеславия, его дар Императору, уткнулась лицом в чёрную пыль. Идеальный

блеск тускнел на глазах, окружающая среда высасывала из неё насыщенность, как вампир высасывает кровь.

Макс смотрел, как драгоценный металл покрывается серой патиной. Время для неживых материалов здесь текло с неравномерной скоростью, словно реальность пыталась ускорить их распад, пожирая остаточную связь с кодами Столицы. Но живые ткани, ещё хранившие слабый отблеск системной оболочки, подчинялись иным законам, время для них пока оставалось привычным. Рядом рассыпались фарфоровые чашки, семейный сервиз, но теперь просто мусор, хрупкий и бессмысленный.

Макс пошевелил рукой. Боль оказалась не сигналом, а отдельным персонажем, массивная, угловатая, не поддающаяся архивированию. Никакая ментальная техника, которой его обучали в Академии Протоколистов, не могла убрать её в фоновый процесс.

— Система, — прохрипел он. Голос звучал чужим, неочищенным от шумов, словно пропущенным через старый, забытый фильтр. — Запрос на регенерацию. Приоритет: Аристократ.

Правый глаз мигнул сухим текстовым блоком:

ОТКАЗАНО. ОБЪЕКТ: «МАКС» — ССЫЛКА БИТА. ВЫ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ В ЭТОЙ ВЕРСИИ ПОТОКА.

Удалён. Не просто изгнан, а стёрт из логики существования. Макс попытался вызвать меню diagnostics, но вместо привычного голографического дисплея перед ним возникла лишь рябь помех. Его интерфейс агонизировал, библиотеки подпрограмм, которыми он пользовался ежедневно с детства, были недоступны. Ощущение сродни ампутации конечности, с фантомной болью в тех участках мозга, где раньше жили его способности.

Он попытался подняться, но ноги не слушались. Тогда он пополз.

Макс вывалился из обломков на чёрный песок, оказавшийся мелкой крошкой графита, лишённой трения. Каждая песчинка была клонированной копией предыдущей. Он сжал её в кулаке. Она не слипалась, а вытекала, словно сухая вода. От прикосновения кожа немела, как от слабого электрического разряда.

Он поднял голову и замер.

Над ним не было неба. То, что он принимал за предрассветные сумерки, оказалось бесконечной серой заливкой с низким разрешением. Без глубины, без облаков, без звёзд. На стыке неба и земли виднелись артефакты сжатия: дрожащие пиксельные полосы, где реальность не успевала отрисовываться. Макс долго смотрел на эту дрожь, пытаясь зафиксировать её взглядом, но она ускользала, вызывая морскую болезнь. Мир вокруг «лагал».

Прямо перед ним начиналась Пустошь. Из земли торчали ржавые штыри, остовы древних механизмов, забытых здесь ещё до Системы. На ближайшем штыре висело нечто, напоминавшее птицу. Грубая 3D-модель с угловатыми крыльями застыла в вечном стоп-кадре. Она не пела, она издавала короткие циклические щелчки, похожие на звук неисправного жёсткого диска. Макс понял: это зацикленный фрагмент аудиофайла, который некому остановить. Птица была аудиодорожкой, забытой в оперативной памяти.

Пустошь. Нижний предел. Сюда сбрасывали неудобные мысли, устаревшие протоколы и людей, чьё присутствие в Столице создавало избыточный шум в системе гармонии.

Макс встал, пошатываясь. Его дорогой костюм из «умной» ткани, способной менять цвет под настроение владельца, окончательно сдался. Он застыл в цвете «пепельное отчаяние» и покрылся цифровым шумом. Макс провёл по рукаву ладонью, и ткань отозвалась слабой, затухающей рябью, словно умирающая голограмма.

— Значит, шлам, — прошептал он, глядя на дрожащие руки.

Он вспомнил тот вечер. Один из последних, что остался по ту сторону жизни, до того, как реальность схлопнулась и его упаковали в холодное ожидание, чтобы позже выбросить в эту Пустошь. Вкус синтетического вина, пахнущего фиалками. Шёпот принцессы, когда она склонилась к нему за столиком на званом ужине: «Ты зашёл слишком далеко в своих расчётах,

Макс. Система не любит тех, кто видит швы на декорациях». Её глаза казались двумя тёплыми огоньками в холодном цифровом мире.

Тогда он лишь улыбнулся, поправляя манжету. Он верил, что знание протоколов делает его неуязвимым. В Министерстве Порядка он прослыл лучшим: находил дыры в бюджете, ловил казнокрадов, писал отчёты, приводившие в ярость высших чиновников. Он думал, что талант — это иммунитет.

Его наставник, Прокуратор Северин, однажды сказал ему с усталой усмешкой: «Талант — это не иммунитет, Максимилиан. Это приговор, если не умеешь вовремя остановиться». Тогда Макс лишь пожал плечами: он был молод, самоуверен и свято верил в силу протоколов.

Теперь правила закончились, началась физика.

Макс сделал первый шаг прочь от тлеющего «Аристократа». Каждый шаг давался с трудом, плотность атмосферы здесь была такой, словно он шёл сквозь густой гель. Сопротивление воздуха неестественное, будто сама среда не хотела пропускать его дальше.

В наползавшем тумане послышался скрежет. Звук металла, трущегося о металл без смазки, долгий, изматывающий визг, от которого начинали ныть зубы.

Макс инстинктивно присел, пытаясь уменьшить свою видимость, хотя туман был слишком густ, чтобы кто-то мог его разглядеть.

ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНА УГРОЗА НИЗКОГО УРОВНЯ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИГНОРИРОВАТЬ. ВЫ ВСЁ РАВНО МЕРТВЫ.

— Спасибо за совет, — огрызнулся он, сжимая кулаки.

Он увидел это между ржавых остовов гигантских механизмов, чьи кабели уходили прямо в серое небо, словно пытаясь запитать пустоту. Громоздкая, дёрганая тень, перемещалась рывками, пропуская фазы движения. Существо, собранное из обрывков старого кода и мусора. Оно искало что-то в песке.

Макс напряг зрение и увидел структуру тени — это был не зверь и не человек, а пучок битых ссылок, обрывков анимаций и устаревших моделей, скреплённых чьей-то злой волей. Искажённый. Результат фатальной ошибки, когда Система пыталась удалить человека, но не смогла полностью. Полуудалённый код, бродящий по Пустоши и питающийся энергией всего живого.

Макс замер, пытаясь вызвать меню скрытности, но интерфейс лишь издевательски мигнул:

ФУНКЦИЯ «НЕВИДИМОСТЬ» ДОСТУПНА ТОЛЬКО ДЛЯ ГРАЖДАН ПЕРВОГО РАНГА.

Он больше не гражданин, он — материя. А материя подчиняется только закону силы.

Макс огляделся, ища хоть что-то, что можно использовать как оружие. Среди обломков глайдера блеснул острый, зазубренный кусок обшивки, с сохранившейся гравировкой герба: скрещённые перья на фоне весов. Он подошёл к нему, чувствуя, как холод Пустоши проникает под кожу. Пальцы сомкнулись на металле. Тяжесть настоящая. Холод настоящий.

Он поднял обломок. В Столице всё было удобным. Не было острых углов, не было боли, не было необходимости бороться за вдох. Здесь всё направлено на то, чтобы стереть его, перемолоть в пыль.

Макс посмотрел на горизонт, где серая заливка неба смыкалась с чёрным песком. Там, где-то за пределами видимости, находилась Столица, стерильный рай, который он когда-то называл домом. Теперь — это просто картинка на обратной стороне его век. Он представил, как там празднуют его исчезновение, как кабинет опечатавают, а имя вымарывают из всех реестров.

Макс сжал обломок обшивки так сильно, что острый край прорезал ладонь. Красная, густая жидкость медленно потекла по пальцам. Она выглядела слишком яркой на фоне этого серого мира. Макс смотрел, как капли падают на чёрный песок и мгновенно впитываются,

словно земля пила его. Сердце забилося быстрее, адреналин ударил в голову, и мир вокруг внезапно стал резче. Он больше не часть отлаженного механизма. Он — сбой. Ошибка.

Впереди, в тумане, скрежет металла стал громче. Тень, которую он заметил ранее, отделялась от ржавых конструкций и медленно, дёргано направлялась к нему. Каждый её шаг сопровождался скрежетом и выбросом белого шума. Макс видел, как в воздухе вокруг неё мерцают битые пиксели. Она не шла, она пересобиралась в каждой точке пространства, и этот процесс причинял ей невыносимую, вечную боль.

Он мог бы побежать и спрятаться среди обломков, дождаться темноты, попытаться найти других выживших. Но инстинкт Протоколиста подсказывал: этот мир не прощает слабости. Бегство не спасение, а приглашение на убой.

И ещё кое-что, почти забытое, вложенное глубоко, много лет назад его отцом: ощущение ритма. Ритма сердца, последнего бастиона воли. «Они могут отнять у тебя интерфейс. Могут удалить твой статус. Но пока твоё сердце бьётся в такт, ты — хозяин своей реальности».

Макс выпрямился. Вытер кровь о разорванный рукав. Он не бросится на тень вслепую, не сейчас, когда сил почти нет, а враг не изучен, но и прятаться, дрожа в обломках, не станет.

Он выбрал третье: уйти, оставаясь хозяином. Спокойно. Без паники и без бега.

Он осознал, чтобы выжить там, где тебя официально нет, нужно стать чем-то большим, чем просто запись в реестре. Нужно стать ошибкой, которую Система не сможет проигнорировать.

Глава 2. Пустошь

Мир впереди расслаивался. Туман в Пустоши не был природным явлением; это была взвесь не отрендеренных данных, которая забивала сенсоры и лишала зрение перспективы. Макс шёл, прижимая к бедру кусок обшивки «Аристократа». Холодный и зазубренный металл казался сейчас единственной стабильной точкой в этой зыбкой реальности. Каждый шаг отдавался в позвоночнике тупой болью.

Он слышал их раньше, чем увидел. Голоса. Но это не были крики о помощи, это был нестройный хор претензий, жалобный и высокий, как звук ломающегося тонкого стекла.

— Мой интерфейс не отвечает. Это возмутительно. — Где сервисные боты? Почему задержка в подаче регенератора превышает пять минут? — Моё платье... оно теряет насыщенность цвета. Кто-нибудь, обновите палитру!

Макс остановился и прикрыл на мгновение глаза. В Столице такие речи были нормой, там любое неудобство считалось системным сбоем и немедленно исправлялось. Здесь же они звучали как бред сумасшедших. Он открыл глаза и пошёл дальше, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение — эмоция, которую он не испытывал уже много лет.

Он вышел на поляну, заставленную остовами гигантских турбин, которые вращались слишком медленно, с трудом преодолевая сопротивление густого воздуха. Лопасты были покрыты ржавчиной и какой-то чёрной слизью, стекавшей вниз длинными, маслянистыми каплями. Каждая капля, падая на песок, издавала короткий шипящий звук и оставляла после себя маленький кратер с оплавленными краями.

Там, среди обломков, сидели пятеро. Пять фигур в разорванных шелках, которые выглядели в этом индустриальном аду как экзотические птицы, попавшие в нефтяное пятно.

Это была элита Верхнего Города. Лорд Каспиан, чьи золотые нити в волосах теперь свисали тусклыми проволоками, сидел на обломке бетонной плиты, обхватив голову руками. Его дорогой плащ, ещё недавно переливавшийся всеми оттенками пурпура, превратился в грязную серую тряпку. Леди Мирабель, чья кожа всегда была идеально гладкой благодаря нано-фильтрам, теперь покрылась мелкими пятнами цифрового шума, словно рябь на испорченном экране, которая то появлялась, то исчезала, заставляя её лицо постоянно «дрожать».

Чуть в стороне от основной группы Макс заметил Принцессу Элизу. Она сидела на старом перевёрнутом ящике, и её поза была единственной, в которой читалось не отчаяние, а холодная, застывшая ярость. Её платье из шёлка было разорвано от подола до бедра, а на ткани чернели пятна мазута и ещё какой-то тёмной жидкости. Руки безвольно лежали на коленях, пальцы сжимали край разорванного платья. Она не плакала и не жаловалась. Она просто сидела и смотрела в одну точку где-то за горизонтом.

Рядом с ней, опираясь спиной на ржавую опору, стоял лорд Олди. Его массивная фигура казалась высеченной из того же серого камня, что и вся Пустошь. Мундир, некогда расшитый серебряными нитями, был разорван на плече, обнажая старую татуировку, символ древнего полка. В отличие от Каспиана, Олди не дрожал. Он просто смотрел на Макса с выражением холодного, почти животного расчёта.

И ещё один. Юлиан, молодой аристократ, едва за двадцать, с ещё не успевшими потускнеть глазами. Он сидел на корточках, нервно теребя разорванный камзол, и его взгляд метался между обломками, словно он искал выход, которого не существовало. Макс отметил его про себя: этот мальчик был самым уязвимым, он ещё не научился скрывать страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.